QC
16

ХАРАКТЕРИСТИКА Н. А. УМОВА

КАКЪ УЧЕНАГО, КАКЪ МЫСЛИТЕЛЯ И КАКЪ ЧЕЛОВѢКА.

Приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета

А. І. Бачинскаго.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1916.

ХАРАКТЕРИСТИКА Н. А. УМОВА

КАКЪ УЧЕНАГО, КАКЪ МЫСЛИТЕЛЯ И КАКЪ ЧЕЛОВѢКА.

Приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета

А. І. Бачинскаго.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1916.

„През 33"

226399.
БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

Изъ „Протоколовъ Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы" за 1915 г.

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Вы слышали, какъ богата была дѣлами и мыслями жизнь человѣка, память котораго сегодня собрала насъ здѣсь; какой глубокій слѣдъ оставила эта слишкомъ рано прервавшаяся жизнь въ исторіи русскаго общества и русской культуры.

Нелегко связать вмѣстѣ и представить въ цѣльной картинѣ тѣ многообразныя проявленія, которыя свойственны были богато одаренной натурѣ почившаго. Не притязая ни на полноту, ни на законченность, я попытаюсь вкратцѣ прослѣдить вмѣстѣ съ вами доблестный жизненный путь почившаго Николая Алексѣевича. И такъ какъ сокровищница его идей и дѣяній слишкомъ богата, то мнѣ легко будетъ добавить еще рядъ новыхъ штриховъ къ тому обильному матеріалу, который вы уже выслушали.

Дѣдъ Николая Алексѣевича съ отцовской стороны, офицеръ и крупный помѣщикъ, принадлежалъ къ дворянскому роду Наумовыхъ. Онъ имѣлъ нѣсколькихъ сыновей и дочерей отъ своей крѣпостной крестьянки (рис. 1), которая не пожелала выйти за него замужъ, чтобы не разссорить его съ родными. Дѣти ихъ по Высочайшему повелѣнію получили фамилію Умовыхъ; одинъ изъ нихъ былъ отцомъ Н. А. Мать Н. А. происходила изъ крѣпкой купеческой семьи Сусоколовыхъ. Такимъ образомъ, въ природѣ Н. А. соединились источники, идущіе изъ трехъ главныхъ сословій русскаго государства. И мнѣ кажется, что и въ духовной личности Н. А. можно прослѣдить струи этихъ трехъ родниковъ, но только въ ихъ идеальномъ и лучшемъ проявленіи, т.-е. преломленными черезъ призму высшаго идеализма, освобожденными отъ всего эгоистическаго и направленными въ сторону общественнаго и всечеловѣческаго блага. Богатство идейныхъ переживаній Н. А., которымъ онъ дѣлился съ нами въ своихъ лекціяхъ, рѣчахъ и статьяхъ, вообще весь утонченный духовный аристократизмъ его личности, вытекавшій прямо изъ его природы, говорятъ намъ о вліяніи духовныхъ традицій и родовой культуры. Его народолюбіе, шедшее

изнутри, внѣ всякой теоретичности, проявлявшееся съ отроческаго возраста и до послѣдняго времени жизни—какъ въ маломъ, такъ и въ крупномъ, заставляетъ насъ вспомнить текшую въ его жилахъ кровь русскаго мужика. Наконецъ, его всегдашняя строжайшая дѣловитость и точность во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ были замѣшаны интересы другихъ лицъ и интересы общества, напоминаетъ о принадлежности части его предковъ къ сословію, въ дѣятельности котораго первую роль играетъ точное выполненіе обязательствъ.

Рис. 1. Бабка Н. А. Умова со стороны отца, Матрена Тихоновна.

Если, такимъ образомъ, нѣкоторыя общія тенденціи духовной фигуры Н. А. приводятъ насъ къ родовымъ чертамъ его предковъ, то двѣ частныя и наиболѣе характерныя черты его умственнаго склада, какъ мы сейчасъ увидимъ, ставятъ его внутреннюю организацію въ зависимость отъ вкусовъ и склонностей обоихъ его родителей. Такъ на Н. А. подтвердился великій законъ наслѣдственности, который гласитъ, что дитя есть какъ бы двойное существо, — смѣсь элементовъ отцовскихъ и материнскихъ.—Отецъ Н. А., медикъ по образованію, былъ большимъ любителемъ естествознанія вообще и кромѣ того, спеціалистомъ по чешуекрылымъ; по службѣ военнаго врача ему приходилось часто мѣнять мѣстожительство; и онъ во время своихъ странствій по Россіи собралъ богатѣйшую коллекцію бабочекъ, заключавшую нѣсколько десятковъ тысячъ экземпляровъ. Онъ былъ кромѣ того большимъ любителемъ литературы. Мать Н. А. была жен-

щиной, весьма религіозно настроенной; и вотъ, мы видимъ въ основныхъ принципахъ и стремленіяхъ Н. А. соединеніе, такъ сказать, натуралистической вѣры съ религіозной пытливостью: съ одной стороны, онъ видѣлъ въ естествознаніи, въ его истинахъ и стремленіяхъ, такую силу, которая, будучи усвоена индивидуумомъ, даетъ этому индивидууму прочный базисъ для построенія всей духовной жизни съ ея цѣлями и оправданіемъ; съ другой стороны, онъ чрезвычайно интересовался вопросами религіозными, ихъ постановкой съ древнѣйшихъ временъ, ихъ философской основой, ихъ ритуальнымъ оформленіемъ и, много размышляя надъ ними, рѣшалъ эти вопросы, какъ и вопросы научные, по-своему, оригинально.

Рис. 2. Мать Н. А. Умова Софья Ивановна, съ своими сыновьями Николаемъ и Владиміромъ.

На этомъ снимкѣ съ дагерротипа (рис. 2) вы видите мать Н. А. со своими двумя дѣтьми; а съ лѣвой стороны (если смотрѣть отъ васъ) этотъ мальчикъ лѣтъ десяти, съ застѣнчивой фигурой, красивымъ лицомъ и задумчивымъ взоромъ—это Н. А.— На основаніи сохранившихся свѣдѣній, попробуемъ проникнуть во внутренній міръ этого ребенка; посмотримъ, что его трогаетъ, занимаетъ, прельщаетъ—и мы узнаемъ—конечно, въ зачаточной и упрощенной формѣ—знакомыя намъ черты Н. А.

Семья Умовыхъ жила въ Симбирскѣ (родномъ городѣ Н. А.). Отроческіе годы Н. А. падаютъ на конецъ царствованія императора Николая I и начало царствованія Александра II. Въ эти годы Н. А. былъ воспринятъ рядъ впечатлѣній, которыя положили на его умонастроеніе несмываемый слѣдъ. Отецъ Н. А. въ то время состоялъ

старшимъ врачомъ симбирской больницы и имѣлъ въ ней квартиру. Окна квартиры выходили въ поле, на которомъ стояло зданіе арестантскихъ ротъ. И вотъ, бывали дни, когда въ квартирѣ поднималась суматоха, а дѣтямъ запрещалось подходить къ окнамъ, выходившимъ въ поле. Отецъ уходилъ въ больницу и затѣмъ возвращался въ удрученномъ видѣ; прибѣгали фельдшера, шепталась прислуга. Дѣтское любопытство раскрыло тайну. Это было наказаніе шпицрутенами; прислуга объяснила дѣтямъ его процедуру и весь его ужасъ.—Тяжелое впечатлѣніе произвелъ также случай съ лакеемъ, крѣпостнымъ человѣкомъ старшаго брата отца; этого лакея за пьянство рѣшено было отдать въ солдаты. Лакею было вручено письмо, которое онъ долженъ былъ лично передать воинскому начальнику, а въ письмѣ предлагалось «забрить лобъ» подателю. Н. А. былъ пораженъ тѣмъ, что человѣкъ, самъ того не зная, несъ въ своихъ рукахъ свою судьбу. Въ эпоху крымской войны Н. А. видѣлъ щипаніе корпіи для раненыхъ; слышалъ разговоры о неудачахъ войны, затѣмъ — о Герценѣ, и видѣлъ тревогу, вызванную слухами объ освобожденіи крестьянъ.

Первоначальное обученіе Н. А. и его брата было поставлено очень хорошо; между прочимъ, обращалось много вниманія на иностранные языки. Къ дѣтямъ ходили учителя, изъ которыхъ Н. А. впослѣдствіи вспоминалъ съ особой благодарностью учителя уѣзднаго училища Иванова, впервые внушившаго ему пристрастіе къ математикѣ. Отецъ Н. А. заботился о научномъ направленіи своихъ дѣтей; онъ устроилъ между ихъ сверстниками естественно-историческое общество, въ которомъ дѣтьми читались рефераты. Отецъ былъ знатокомъ садоводства и пріучалъ дѣтей къ работамъ въ саду; искаціе воды, рытье колодцевъ, глубиною не болѣе аршина, а также посадка деревьевъ были любимыми занятіями дѣтей. Н. А. на досугѣ занимался также изобрѣтеніями: строилъ часы изъ картона, ломалъ голову и надъ машинами вѣчнаго движенія, а когда ему случилось услышать о добываніи алюминія, пытался самъ получить его изъ глины—конечно, безуспѣшно.

Вопросъ о мѣстѣ и характерѣ дальнѣйшаго обученія дѣтей сначала возбуждалъ въ семьѣ Умовыхъ колебанія. Наконецъ, рѣшено было отдать дѣтей въ гимназію въ Москвѣ, и чтобы не лишать дѣтей семейной обстановки, родители также переселились въ Москву. Черезъ годъ послѣ переселенія Н. А. и братъ его поступили въ 1-ую московскую гимназію, въ 3 классъ. Гимназическое ученье прошло скоро

и успѣшно. Въ 1863 году братья поступаютъ въ Московскій университетъ: Н. А.—на математическое отдѣленіе физико-математическаго факультета, братъ его—на юридическій факультетъ. Н. А. съ увлеченіемъ слушаетъ блестящихъ профессоровъ математическаго отдѣленія—Давидова, Цингера, Бредихина, Слудскаго. Уже въ эти студенческіе годы Н. А. обнаруживаетъ свойственную ему впослѣдствіи кипучую разностороннюю дѣятельность. Съ нѣсколькими товарищами-математиками онъ основываетъ математическій кружокъ, члены котораго усердно посѣщаютъ засѣданія московскаго математическаго общества. Онъ также принимаетъ живое участіе въ студенческомъ клубѣ самообразованія, гдѣ былъ однимъ изъ главныхъ устроителей А. И. Чупровъ, въ то время студентъ юридическаго факультета (отсюда идетъ дружеская связь Умова съ Чупровымъ). Въ этомъ клубѣ дебатируются вопросы философскіе, научные, общественные, напр., о свободѣ воли, о книгѣ Бокля. Въ одномъ изъ собраній Н. А. дѣлаетъ свое первое публичное выступленіе—съ рефератомъ объ утилитаризмѣ. Члены клуба самообразованія намѣчаютъ для себя и сферу живой практической дѣятельности: предполагается основать общество для распространенія образованія въ народѣ. Маленькій кружокъ лекторовъ начинаетъ читать лекціи по естественнымъ наукамъ и по исторіи артельщикамъ Кокоревскаго подворья, въ номерѣ, занимаемомъ однимъ изъ членовъ кружка. Однако, эта практическая работа прервалась на первыхъ же шагахъ. Дѣятельность кружка возбудила подозрѣнія полиціи; лекціи въ Кокоревскомъ подворьи прекратились, а члены кружка лекторовъ попали подъ полицейскій надзоръ.

Въ 1867 году Н. А. и братъ его окончили курсъ кандидатами и вскорѣ были оставлены при университетѣ. Для Н. А. кончается пора пробъ и попытокъ, начинается пора самостоятельной дѣятельности. И онъ ведетъ ее подъ тѣмъ знаменемъ, которому онъ оставался вѣренъ всю жизнь: его пароль — *наука*; его лозунгъ—*улучшеніе народной участи*. Начальный и заключительный періоды его зрѣлой жизни отмѣчены особенно напряженною дѣятельностью въ этой второй сферѣ. Періодъ заключительный относится къ трудамъ Н. А. въ обществѣ имени Х. С. Леденцова; объ этомъ вы уже слышали отъ проф. С. А. Федорова. Что касается періода начальнаго, то онъ въ своемъ родѣ интересенъ, особенно если вы не забудете, что рѣчь идетъ о молодомъ человѣкѣ 22—23 лѣтъ, главнымъ призваніемъ котораго была чистая и весьма отвлеченная наука. Проводя лѣто въ

небольшомъ имѣніи своего отца въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Н. А. началъ съ того, что завелъ обученіе крестьянскихъ подростковъ грамотѣ. Дѣвушки окрестныхъ деревень занимались шитьемъ лайковыхъ перчатокъ; матеріалъ принадлежалъ одной изъ московскихъ фабрикъ, а роль посредника между фабрикой и работницами игралъ дьяконъ одного изъ близлежащихъ селъ. Дьяконъ уплачивалъ работницамъ лишь небольшую долю того, что онъ получалъ отъ фабрики за каждую сшитую дюжину перчатокъ. Н. А. собралъ въ домѣ отца дѣвушекъ сосѣднихъ деревень, объяснилъ имъ всю выгоду кооперативнаго труда и убыточность ихъ работы въ данныхъ условіяхъ. Въ результатѣ образовалась перчаточная артель; Н. А. пришелъ на помощь артели своими небольшими сбереженіями, внеся фабриканту залогъ за отпускаемый товаръ. Н. А. участвовалъ также въ устройствѣ въ Москвѣ перваго потребительскаго общества, которое имѣло огромный успѣхъ. Но самое крупное дѣло, въ которомъ онъ принималъ участіе въ дни своей юности—это была организація Общества распространенія техническихъ знаній. Общество, какъ видно уже изъ его названія, ставило своею цѣлью содѣйствовать усовершенствованію и распространенію въ русскомъ народѣ техническихъ знаній вообще, преимущественно же усвоенію усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ въ тѣхъ отрасляхъ отечественной промышленности и ремеслъ, которыя имѣютъ болѣе обширное практическое примѣненіе. Первые годы существованія общества были необычайно успѣшны; широкіе круги проявили самое живое сочувствіе его стремленіямъ и, открытое 25 учредителями, общество черезъ годъ насчитывало уже болѣе 500 членовъ. Рядъ лицъ пришли на помощь обществу не только своими нравственными силами, но и матеріальными средствами, чѣмъ дали ему возможность съ самаго начала развить широкую практическую дѣятельность. Ясно, что главные организаторы общества (которыми были, кромѣ Н. А. Умова, Б. Б. Фишеръ и А. И. Чупровъ) вѣрно угадали насущную потребность момента, дали правильный исходъ подъему духа и энергіи, накопившейся въ широкихъ кругахъ. Въ жизни этого общества Н. А. принималъ самое живое участіе до тѣхъ поръ, пока не переселился изъ Москвы въ Одессу, будучи выбранъ въ 1871 году въ доценты Новороссійскаго университета.

Одесскій періодъ былъ, несомнѣнно, самымъ счастливымъ въ личной жизни Н. А. Среди профессоровъ тогда еще недавно основаннаго, но богатаго замѣчательными научными силами Одесскаго уни-

верситета у Н. А. возникли тѣсныя дружескія связи съ тремя знаменитыми русскими натуралистами — И. М. Сѣченовымъ, А. О. Ковалевскимъ и И. И. Мечниковымъ.

Въ первый же годъ (1872) своего пребыванія въ Одессѣ Н. А. ѣздилъ въ Москву защищать магистерскую диссертацію и тогда же женился на

Рис. 3. Н. А. Умовъ въ 1872 году.

москвичкѣ, Еленѣ Леонардовнѣ Новицкой. Бракъ оказался на рѣдкость счастливымъ и остался такимъ въ теченіе 42 лѣтъ, до кончины Н. А. Молодые супруги вмѣстѣ съ Сѣченовымъ и Мечниковымъ составили тѣсный дружескій кружокъ. Счастье супружескаго обихода не страдало отъ того, что матеріальныя обстоятельства супруговъ были первые годы весьма не блестящи. Университетъ далъ Н. А. въ

одномъ изъ своихъ помѣщеній квартиру изъ двухъ комнатъ, съ условіемъ не заводить кухни и не держать прислуги.

И вотъ, ежедневно Н. А. съ женой, въ сопровожденіи И. М. Сѣченова, отправляются въ итальянскую кухмистерскую; заказываютъ два блюда, обычно одни и тѣ же, преимущество которыхъ заключается въ ихъ дешевизнѣ; и такъ какъ извѣстно, что Н. А., по всегдашней своей деликатности, имѣетъ обыкновеніе выбирать на свою долю худшій кусокъ, то И. М. выбираетъ съ блюда, наоборотъ, лучшій кусокъ и торжественно кладетъ его на тарелку Н. А., говоря при этомъ своей отчетливой манерой: «пожалуйте-съ». Эту маленькую трогательную подробность я отмѣчаю потому, что она глубоко символична. Захватныя наклонности всегда были абсолютно чужды благородной натурѣ Н. А.; въ силу этой особенности его характера, его легко могли обдѣлить лица, которыя по своему нравственному складу были бы на это способны.

Въ 1876 году Н. А., еще не достигнувъ 30 лѣтъ, дѣлается профессоромъ. Его матеріальное положеніе улучшается. Онъ даже получаетъ возможность пріобрѣсти небольшой участокъ земли на южномъ берегу Крыма, въ такъ называемомъ впослѣдствіи «профессорскомъ уголкѣ». Мѣсто—въ истинномъ смыслѣ слова дикое, неустроенное, безъ воды, безъ дорогъ; но владѣлецъ полонъ энергіи во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и мысль о борьбѣ человѣка съ природой, о внесеніи стройности человѣкомъ въ природный хаосъ — одна изъ его излюбленныхъ и руководящихъ мыслей. Вотъ Н. А. за работой: вотъ онъ, подъ горячими лучами южнаго солнца, въ русской рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, загорѣлый и весь точно въ сіяніи бѣлокурыхъ пушистыхъ кудрей, съ ясными голубыми глазами, проводитъ дорожки среди обвалившихся камней, равняетъ и укрѣпляетъ площадки, дѣлаетъ насажденія, работая иногда до изнеможенія, но тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ; вотъ онъ, во время рѣдкаго въ Крыму лѣтомъ дождя, бросается безъ шапки, съ лопатой въ рукѣ въ свой садикъ, чтобы направлять бѣгущій съ горы потокъ на посаженныя имъ растенія. Весь мокрый, но взволнованно-довольный бѣгаетъ онъ отъ канавы къ канавѣ; а за нимъ, не спѣша, въ калошахъ и подъ зонтикомъ, похаживаетъ рабочій—грекъ Панаіотъ и авторитетно совѣтуетъ: «вотъ сюда бы еще, баринъ, воды» [1]).

[1]) Эта и нѣкоторыя другія конкретныя детали заимствованы изъ воспоминаній дочери Н. А., О. Н. Красуской („Физическое Обозрѣніе“, 1915).

Въ этомъ немножко комическомъ случаѣ мы опять, если вглядѣться глубже, усматриваемъ символъ отношеній Н. А. къ людямъ. Подобныя отношенія между бариномъ и слугою создавались отнюдь не изъ какого-нибудь принципа. Принципіально Н. А. осуждалъ подобныя отношенія у другихъ; создавались эти отношенія исключительно на почвѣ невѣроятной деликатности Н. А. Когда его служащіе или рабочіе начинали его обманывать, онъ такъ конфузился, такъ страдалъ и стыдился за нихъ, какъ будто самъ былъ объектомъ подозрѣнія. Онъ слишкомъ вѣрилъ въ человѣка и страдалъ отъ того, что фактъ разрушаетъ эту вѣру. Одинъ разъ онъ взялъ къ себѣ на службу нѣкоего Мишу, молодого человѣка лѣтъ 18; объ этомъ Мишѣ раньше было извѣстно, что онъ работникъ хорошій, но воришка. Разсказавъ Мишѣ, въ чемъ будутъ состоять его обязанности, Н. А. прибавилъ: „про тебя говорятъ, что ты гдѣ-то какіе-то сапоги взялъ; ну, а я этому не вѣрю: вотъ тебѣ ключи отъ всего нашего добра, и я увѣренъ, что все будетъ цѣло и въ порядкѣ". Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все было благополучно. По неподалеку поселились Мишины родственники, пропойцы; Миша сначала запилъ, а затѣмъ превратился въ типичнаго преступника, который сталъ внушать страхъ своимъ хозяевамъ. Это разочарованіе оставило глубокій слѣдъ въ душѣ Н. А.; онъ, правда, не сталъ послѣ того хуже относиться къ людямъ, но сталъ словно бояться ихъ.

Въ Одессѣ Н. А. профессорствовалъ 22 года. Кромѣ университета, онъ читалъ еще лекціи физики на публичныхъ курсахъ по естествознанію; онъ былъ усерднымъ членомъ новороссійскаго общества естествоиспытателей, въ которомъ вскорѣ занялъ должность вице-президента. Не осталась въ забросѣ и соціально-практическая дѣятельность: Н. А. много работалъ, какъ членъ и какъ дѣлопроизводитель комитета извѣстныхъ въ Одессѣ Когановскихъ учрежденій. Это— учрежденія филантропическія; они обладаютъ большими капиталами и развиваютъ широкую дѣятельность по доставленію дешевыхъ квартиръ нуждающимся лицамъ трудового класса.

Многосторонняя дѣятельность Н. А. послѣ перехода изъ Новороссійскаго университета въ Московскій хорошо извѣстна многимъ изъ насъ, какъ непосредственнымъ свидѣтелямъ, сотрудникамъ и ученикамъ. Она же сегодня была предметомъ ряда рѣчей. И все-таки еще не всѣ крупныя дѣла его охватываются содержаніемъ этихъ рѣчей; напримѣръ, можно было бы немало сказать о Николаѣ Алексѣевичѣ,

какъ объ академическомъ дѣятелѣ, какъ о редакторѣ одного изъ лучшихъ русскихъ популярно-научныхъ журналовъ, „Научнаго Слова“, какъ о авторѣ учебника физики (неизданнаго).

Но такъ какъ уже слишкомъ поздно, то нужно быть краткимъ. Изъ внѣшней исторіи второго московскаго періода жизни П. А. я покажу только нѣсколько снимковъ.

Вотъ П. А. (рис. 4) въ средѣ ученыхъ всего земного шара, съѣхавшихся въ 1896 году въ Глазго на юбилей знаменитаго физика лорда Кельвина; вотъ (рис. 5) убогое зданіе, въ которомъ помѣща-

Рис. 5. Прежнее помѣщеніе физическихъ лабораторій Московскаго университета. Правая половина нижняго этажа служила помѣщеніемъ лабораторіи, находившейся въ завѣдываніи П. А. Умова.

лась до начала XX вѣка физическая лабораторія Московскаго университета, а вотъ (рис. 6)—огромный физическій институтъ, выстроенный по плану П. А.; на рис. 7 мы видимъ часть большой физической аудиторіи, а на рис. 8—помѣщеніе знаменитой термической лабораторіи проф. В. Ѳ. Лугинина, которая вошла въ составъ физическаго института — въ значительной мѣрѣ благодаря содѣйствію П. А.

Въ Москвѣ П. А. пришлось перенесть много непріятностей и огорченій, между прочимъ въ связи съ его положеніемъ въ университетѣ.

Рис. 4. Часть группы ученыхъ всего земного шара, съѣхавшихся въ 1896 году въ Глазго на юбилей знаменитаго физика лорда Кельвина (сидитъ въ центрѣ группы). Второй справа въ первомъ ряду—Н. А. Умовъ (одѣтъ въ докторскую тогу, какъ почетный докторъ Глазгоскаго университета).

Бывалъ онъ и объектомъ литературныхъ нападокъ — надо сказать, столь же незаслуженныхъ, сколько и непристойныхъ. Онъ страдалъ молча, и несмотря ни на что, сохранялъ рыцарское отношеніе къ людямъ, даже къ тѣмъ, которые этого не заслуживали. Чтобы онъ сталъ платить зломъ за зло—это было совершенно немыслимо. Разскажу одинъ характерный случай. Одинъ человѣкъ — назовемъ его

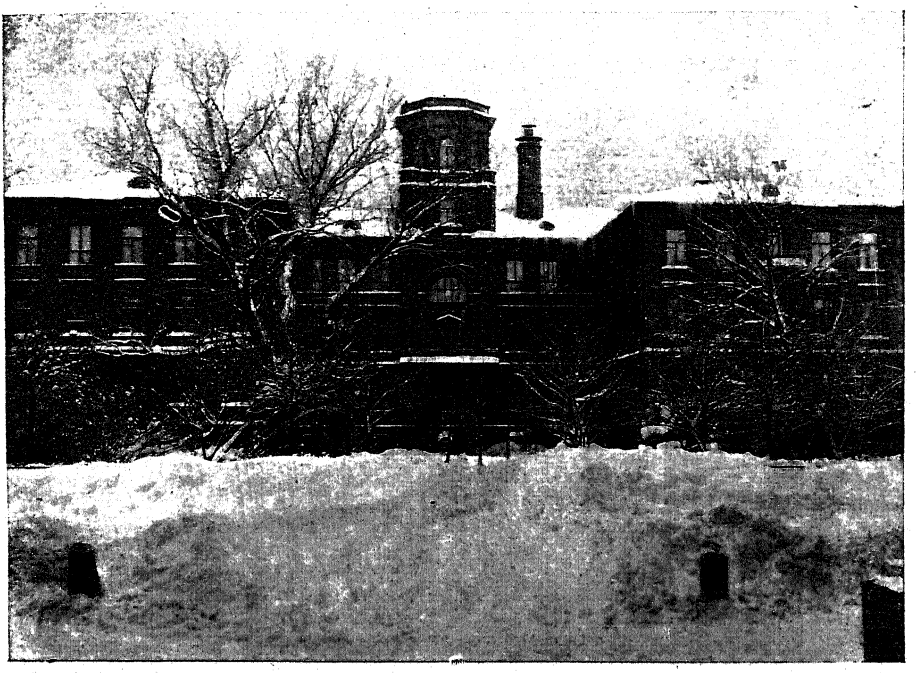

Рис. 6. Физическій институтъ Московскаго университета, во дворѣ „Стараго зданія“ (видъ со стороны Никитской улицы).

Х—въ теченіе ряда лѣтъ доставлялъ Н. А. много непріятностей, включая и то, что въ присутствіи третьихъ лицъ третировалъ Н. А. такъ, какъ это рѣшительно не соотвѣтствовало ни его достоинству, ни возрасту. Н. А. отвѣчалъ тѣмъ, что смущался, молча страдалъ и съ особой обходительностью относился къ обидчику. Однажды мнѣ случилось помѣстить одну статью въ журналѣ, редактируемомъ Н. А. Въ послѣдней корректурѣ я вставилъ по адресу Х полемическое замѣчаніе, относившееся къ вопросу чисто-литературному и не заключавшее въ себѣ ничего ни личнаго, ни обиднаго: „Х ошибается, го-

воря то-то". Сдѣланная вставка могла бы проскользнуть, не обративъ вниманія Н. А., ибо содержаніе статьи было ему извѣстно ранѣе, и онъ не сталъ бы ея перечитывать, подписывая номеръ къ печати; но я зналъ, что этотъ фактъ потомъ могъ бы стать источникомъ большого внутренняго огорченія Н. А., и потому самъ рѣшилъ его освѣдомить. Я былъ увѣренъ, что смогу привести убѣдительные доводы въ защиту этого ужаснаго мѣста; но съ другой стороны я не

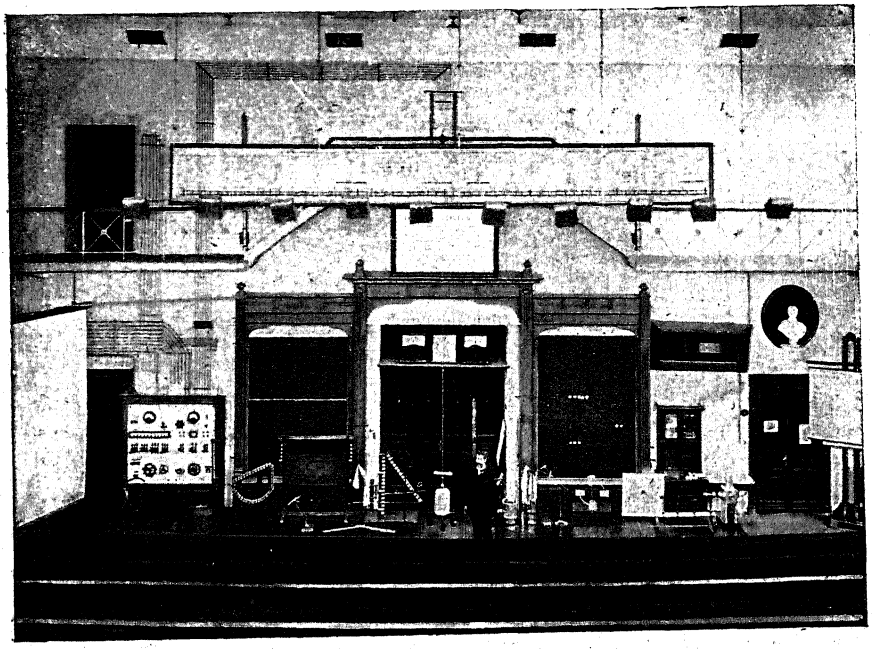

Рис. 7. Передняя стѣна большой аудиторіи въ Физическомъ институтѣ Московскаго университета. На лекціонномъ столѣ и возлѣ него—лекціонные приборы и демонстративныя модели, придуманныя Н. А. Умовымъ. У стола стоитъ ассистентъ Н. А. Умова И. Ф. Усагинъ.

сомнѣвался, что если Н. А. будетъ имѣть много времени на размышленіе, то его всегдашняя тенденція платиться всякой возможной цѣной, только бы не причинить людямъ ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшей непріятности — возьметъ верхъ, и онъ выброситъ подозрительное мѣсто. Поэтому я выждалъ самый послѣдній моментъ, и явился къ Н. А. вечеромъ наканунѣ того дня, когда нумеръ долженъ былъ итти въ печать; а авторскіе оттиски уже были отпечатаны.

Послѣ нѣкотораго спора, Н. А. согласился съ моими аргументами. И что же? при слѣдующемъ свиданіи съ Н. А. я узнаю отъ него, что онъ сдѣлалъ-таки измѣненіе въ моемъ текстѣ, и вмѣсто словъ „X ошибается“ поставилъ безличный оборотъ, выпустивъ фамилію X всюду, гдѣ она встрѣчалась. Очевидно, онъ почью не спалъ, а думалъ; а утромъ самъ поѣхалъ въ типографію и сдѣлалъ измѣненія.

Не дѣлать зла ни въ какой мѣрѣ, дѣлать возможно больше добра— было кореннымъ свойствомъ души Н. А. Для него это было какъ бы

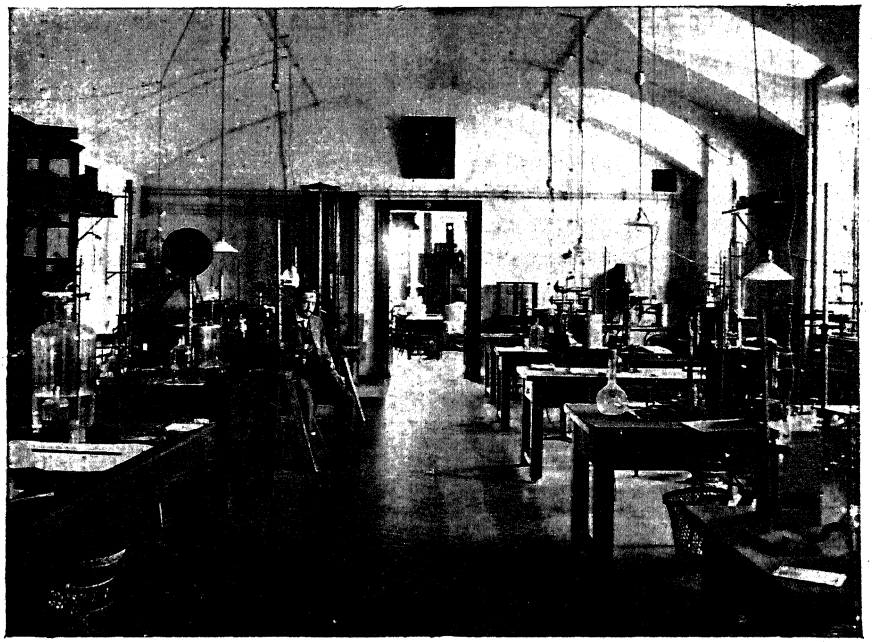

Рис. 8. Термическая лабораторія В. Ѳ. Лугинина.

физіологической функціей; онъ не могъ быть недобрымъ, какъ мы не можемъ остановить сердцебіеніе. Но не въ его духѣ было морализировать; наоборотъ, онъ нерѣдко высказывался въ томъ смыслѣ, что эстетика выше этики. «Вселенная—это арфа,—говорилъ онъ въ интимномъ разговорѣ: струны ея звучатъ дивной гармоніей закономѣрности. Звуки всей природы стройны и строги; только струны людей издаютъ фальшивыя ноты. Каждый человѣкъ долженъ жить такъ, чтобы его струна вносила новую красоту въ общую гармонію; мы

должны уничтожать всѣ фальшивые звуки въ нашей жизни». «Нѣтъ добра и нѣтъ зла,—говорилъ онъ въ другой разъ: есть одна красота. Такъ электрическій токъ разбивается на два теченія, плюсъ и минусъ. Плюсы и минусы—это добро и зло; плюсъ и минусъ стремятся слиться—это есть красота и покой...»

Нѣжно и тонко чувствующая натура Н. А. дѣйствительно не могла не производить гармоническаго впечатлѣнія. Потому-то у него было такое множество безусловныхъ поклонниковъ, какое едва ли найдется у кого-нибудь другого, хотя бы такъ же, какъ онъ, выдающагося интеллектуальными качествами. Его эстетическія склонности проявлялись и активно. На досугѣ онъ любилъ заниматься пейзажной живописью, при чемъ примѣнялъ къ дѣлу свои обширныя теоретическія познанія изъ области гармоніи красокъ. Онъ отдалъ дань и изящной литературѣ; въ его бумагахъ остается большое драматическое произведеніе. Эстетическія стороны его натуры сказались и на его популярно-научныхъ статьяхъ и публичныхъ рѣчахъ, которыя при несравненной насыщенности идейнаго содержанія равно блещутъ красивыми образами, незабываемо-мѣткими сравненіями, какъ и величіемъ раскрываемыхъ научныхъ перспективъ. Я напомню вамъ произнесенное имъ два или три года тому назадъ краткое вступительное слово къ рѣчи акад. В. И. Вернадскаго о поискахъ радія въ Россіи. Тогда Н. А. указалъ, что матерія обликомъ своей первичности прикрывала отъ взора человѣка громадные запасы энергіи; ея атомы упорно замалчивали свое богатство, отъ котораго зависитъ тайна ихъ рожденія и смерти. Но между этими атомами нашлись штрейкбрехеры; нашлись вещества, которыя не выдерживаютъ своей нагрузки энергіей. Они распадаются и выдаютъ тайну. И вотъ то, что казалось отъ вѣка шаблонно сфабрикованными кампями мірозданія, включается въ процессъ эволюціи.—Напечатанныя рѣчи и статьи Н. А., въ связи съ рукописными замѣтками, содержатъ цѣльное и глубокое міровоззрѣніе. Оно выработалось подъ вліяніемъ, съ одной стороны, физическихъ, съ другой стороны, біологическихъ ученій: надо не забыть, что большинство ближайшихъ друзей Н. А. были выдающіеся біологи (Сѣченовъ, А. Ковалевскій, Мечниковъ), и что онъ на своемъ вѣку внимательно прослушалъ многое множество біологическихъ докладовъ въ качествѣ вице-президента новороссійскаго общества естествоиспытателей и президента Императорскаго московскаго общества испытателей природы. Отсюда понятно, что

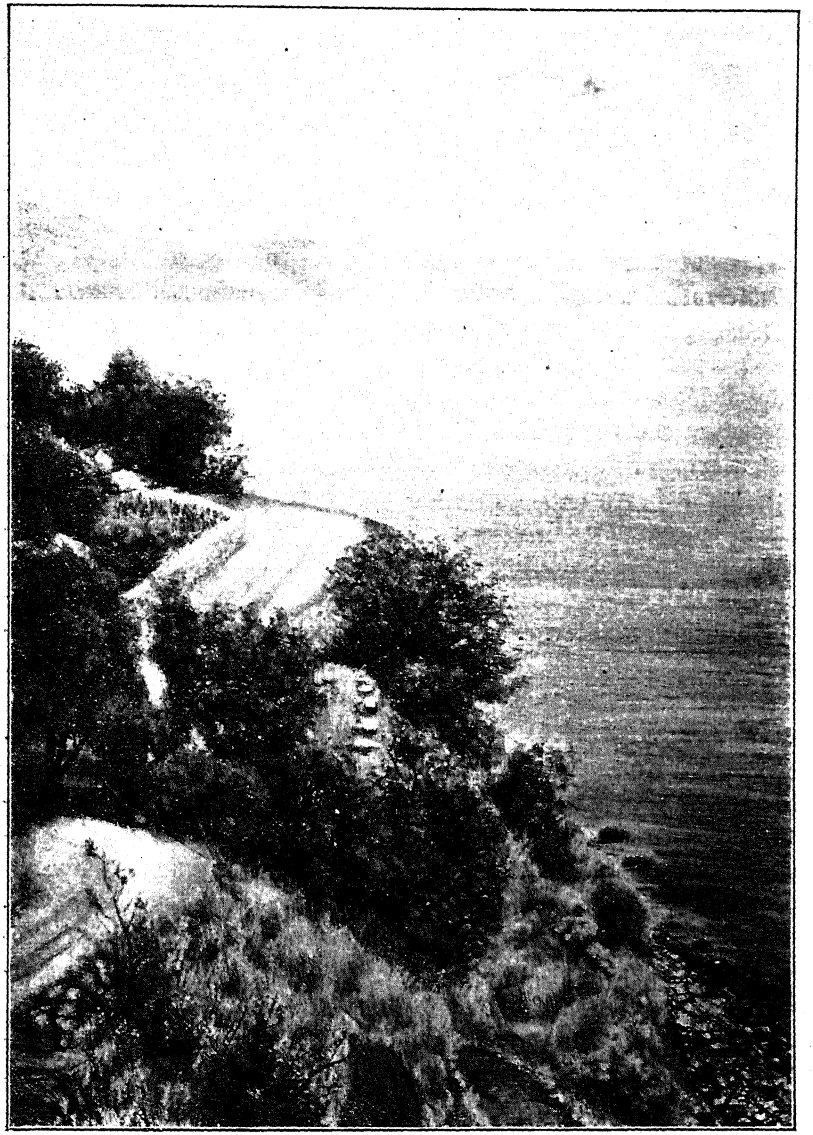

Рис. 9. Картина масляными красками работы Н. А. Умова, изображающая берегъ его крымскаго владѣнія.

ученіе Дарвина объ эволюціи организмовъ составляло одинъ изъ краеугольныхъ камней міровоззрѣнія Н. А. Но и во всѣхъ областяхъ космоса онъ чутко воспринималъ пульсацію эволюціоннаго процесса. Это говоритъ намъ о глубинѣ и мощи его ума; ибо для проникновенія въ эволюціонную стихію надо не только ясно видѣть настоящее въ его цѣломъ, но также постигать прошлое и пророческимъ взоромъ созерцать будущее. Рядъ его статей и рѣчей посвященъ разнообразнымъ примѣненіямъ эволюціоннаго принципа: Н. А. изображаетъ намъ то эволюцію атома, то эволюцію живого, то эволюцію міровоззрѣній, то въ частности эволюцію физическихъ наукъ. Изъ принципа эволюціи онъ выводитъ рядъ правилъ, долженствующихъ вліять на человѣческое поведеніе. Онъ проповѣдуетъ борьбу съ предразсудками, въ основѣ которыхъ лежитъ представленіе о неизмѣнности природной обстановки, въ которой протекаетъ жизнь человѣчества. Н. А. развиваетъ мысль, что естественныя предложенія природы становятся все болѣе и болѣе недостаточными для жизни человѣчества, которое должно создавать среди старой природы новую природу, соотвѣтствующую его измѣняющимся потребностямъ. *Законы природы* остаются неизмѣнными, но наука даетъ человѣку власть измѣнять естественное теченіе явленій, т.-е. измѣнять *законы процессовъ*, происходящихъ въ природѣ.

Дѣйствіе эволюціи въ человѣчествѣ выражается въ нарушеніи его единства, въ увеличеніи различій между классами индивидуумовъ. Признавая во всѣхъ явленіяхъ жизни только дѣйствіе естественныхъ законовъ и указывая на ничтожную долю, занимаемую во вселенной матеріей, а тѣмъ болѣе живою матеріей, Н. А. причисляетъ появленіе этой послѣдней къ событіямъ, имѣющимъ ничтожно-малую вѣроятность, почему и призываетъ людей къ *охранѣ жизни на землѣ*. Фактъ непревосходимаго могущества науки въ области нуждъ человѣческихъ и соединеніе въ наукѣ аттрибута могущества съ аттрибутомъ доступности для человѣка приводитъ его къ мысли объ особыхъ какъ бы обрядахъ, которыми на почвѣ почтенія къ наукѣ осуществлялось бы общеніе людей въ цѣляхъ сознательнаго служенія идеаламъ человѣчества.

Замѣчательно, что къ разработкѣ подобныхъ общихъ темъ Н. А. обратился уже въ пожиломъ возрастѣ, когда ему было около 50 лѣтъ; а статьи его, сочиненныя въ самые послѣдніе годы, когда ему шелъ уже седьмой десятокъ, являются особенно блестящими по формѣ и

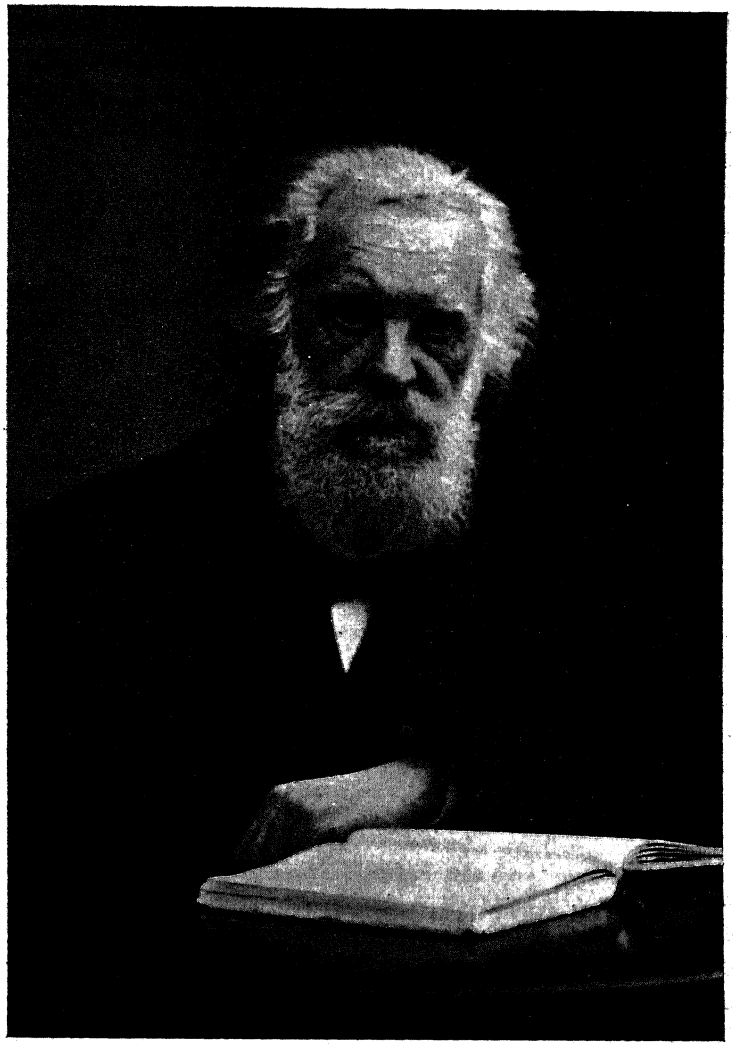

Рис. 10. Н. А. Умовъ въ ноябрѣ 1914 года.

по содержанію. Такъ и въ сферѣ спеціальной научной работы время, казалось, не имѣло никакого вліянія на этого гиганта мысли. Начавъ свою ученую карьеру въ 23-лѣтнемъ возрастѣ блестящимъ сочиненіемъ, о которомъ намъ говорилъ проф. Н. Е. Жуковскій,—сочиненіемъ, написаннымъ въ манерѣ лучшихъ представителей французской физико-

математической школы, онъ въ 28 лѣтъ пишетъ свою безсмертную работу о движеніи энергіи. Чтобы дать понятіе о значеніи этой работы въ физической наукѣ, нужно сказать, что въ наукѣ того времени энергія обыкновенно разсматривалась, какъ нѣкоторая математическая функція, какъ нѣкоторое число, характерное для данной изолированной системы,—и только. Лишь рѣдкіе голоса, не возбуждавшіе въ то время особаго сочувствія—въ числѣ ихъ Максуэлъ — утверждали, что энергію надо разсматривать, какъ субстанцію, что ее можно локализировать и количественно оцѣнить въ любомъ элементѣ пространства. Къ этому воззрѣнію примкнулъ и Умовъ; и онъ существенно обогатилъ это воззрѣніе тѣмъ, что первый ввелъ въ кругъ физическаго изслѣдованія понятіе о движеніи энергіи въ тѣлахъ и о скорости этого движенія. Уже въ этихъ раннихъ работахъ Н. А. обнаруживаетъ свою приверженность къ тому научному воззрѣнію, которое можно охарактеризовать однимъ словомъ, какъ *картезіанское*; согласно этому воззрѣнію, міровое пространство наполнено и матеріальныя тѣла проникнуты особой субстанціей—ее называютъ эфиромъ—и этотъ-то эфиръ является, между прочимъ, основой явленій электрическихъ и свѣтовыхъ. Въ тѣсной связи съ картезіанствомъ Н. А. стоитъ рядъ его произведеній и въ томъ числѣ послѣдняя изъ напечатанныхъ научныхъ работъ его, относящаяся къ теоріи такъ наз. *квантъ*. По этой недавно возникшей теоріи отдача энергіи какимъ-нибудь свѣтящимся тѣломъ (а также и въ другихъ случаяхъ) происходитъ не непрерывно, а нѣкоторыми конечными порціями—квантами или *паями*, какъ лучше было бы называть ихъ по-русски. Нѣкоторые считали даже возможнымъ говорить о квантахъ, какъ объ *атомахъ энергіи*. А такъ какъ въ это же время возникъ въ наукѣ взглядъ, согласно которому энергія обладаетъ массой, то въ результатѣ такой матеріализаціи энергіи явилась тенденція отбросить, т.-е. признать несуществующимъ эфиръ, который нуженъ былъ прежде для того, чтобы служить передатчикомъ свѣта, напримѣръ отъ солнца къ землѣ. Въ своей послѣдней напечатанной работѣ Н. А. выступаетъ на защиту эфира; факты, которые повели къ установленію теоріи квантъ, онъ объясняетъ именно свойствами эфира, и такимъ образомъ устраняетъ теорію квантъ, по крайней мѣрѣ въ ея болѣе обостренной формѣ. Не безъ внутренняго соотношенія съ картезіанствомъ Н. А. стоитъ и тотъ фактъ, что излюбленными областями его работъ были электричество и оптика. Тутъ въ особенности замѣча-

тельна его послѣдняя оптическая работа, о которой вы слышали отъ проф. Эйхенвальда. Эта работа любопытна между прочимъ тѣмъ, что она включаетъ всѣ элементы физическаго изслѣдованія: здѣсь мы имѣемъ и открытіе новыхъ очень тонкихъ экспериментальныхъ фактовъ, и детальное изслѣдованіе ихъ, и построеніе спеціальнаго прибора, и выработку наблюдательнаго метода, и сложную математическую теорію явленія, и разработку техническихъ примѣненій, и наконецъ указаніе на возможность примѣненій космическихъ (къ изслѣдованію поверхности планетъ). Этотъ примѣръ показываетъ, насколько широкъ и силенъ былъ Н. А., какъ физикъ, и какъ безсильно было надъ нимъ вліяніе всесокрушающаго времени. Надо сказать, что о цѣломъ рядѣ научныхъ работъ его мы сегодня не могли говорить за недостаткомъ времени: общее число опубликованныхъ научныхъ трудовъ его превышаетъ 50. Къ этому надо добавить, что Н. А. имѣлъ обыкновеніе заразъ вести нѣсколько научныхъ изслѣдованій, занимаясь съ перерывами то тѣмъ, то другимъ; поэтому нѣсколько изъ нихъ остались послѣ его смерти не конченными. А его записныя книжки переполнены идеями и планами изысканій, предположенныхъ для будущаго.

Въ Н. А. мы потеряли первостатейнаго ученаго—я бы сказалъ—ученаго-пророка, который имѣлъ даръ прозрѣвать будущіе научные пути. Такъ было съ его теоріей движенія энергіи: понятія, введенныя здѣсь Н. А., черезъ четверть вѣка сдѣлались ходячими. Такъ бывало и въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, одна изъ его излюбленныхъ мыслей, связанныхъ съ его картезіанствомъ, состояла въ томъ, что Ньютоновымъ законамъ динамики нельзя приписывать универсальнаго значенія; эту мысль онъ неоднократно проводилъ еще въ прошломъ столѣтіи въ своихъ публичныхъ рѣчахъ, и однажды за то подвергся довольно неприличнымъ нападкамъ со стороны одного московскаго педагога, который впрочемъ имѣлъ немного общаго съ наукой. А прошло нѣсколько лѣтъ—и представленіе объ ограниченной силѣ Ньютоновой механики опять-таки сдѣлалось среди физиковъ ходовымъ представленіемъ. Разнообразіе научныхъ интересовъ, искусство пріемовъ изслѣдованія равнялись обширной и глубокой эрудиціи Н. А. Къ нему можно было обратиться за совѣтомъ по любому физическому отдѣлу и вопросу, отъ математической физики до физики технической, и всегда онъ могъ дать правильныя и цѣнныя указанія.

Есть въ личности Н. А. еще одна сторона, заслуживающая нарочитаго вниманія. Будучи кореннымъ русскимъ человѣкомъ по природѣ, онъ и въ своей интеллектуальной дѣятельности остался истымъ сыномъ своей родины, русскимъ самородкомъ. Онъ не бывалъ въ нѣмецкой выучкѣ и не имѣлъ въ этомъ надобности. Онъ поѣхалъ въ первый разъ за-границу, будучи уже профессоромъ, и сталъ-было слушать лекціи у кое-кого изъ германскихъ корифеевъ; но что ему, уже сложившемуся большому ученому, могли дать лекціи? Отговорившись какимъ-то случайнымъ предлогомъ, онъ распростился съ ученымъ нѣмцемъ. Наоборотъ, этотъ знаменитый нѣмецъ позаимствовалъ изъ сокровищницы идей Н. А. Пусть же имя Николая Алексѣевича Умова не только вызываетъ въ насъ образъ блестящаго ученаго, глубокаго мыслителя и учителя жизни, благороднаго и чистаго сердцемъ человѣка; пусть оно, это имя, служитъ намъ также символомъ нашего національнаго достоинства!

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ